

— Господин?

Женщина в простой одежде, увидев Гу Мо, замерла на мгновение и прошептала:

— Господин!

— Господин Гу Мо!

В конце концов она набралась смелости и громко крикнула. Гу Мо резко обернулся, застыв на месте.

— Сюаньнян?

Через мгновение тихий вздох разнесся на холодном ветру.

Ань Шаохуа почувствовал холод во сне, вздрогнул и внезапно проснулся. Прежде чем к нему вернулось сознание, он ощутил боль. Каждый вдох и выдох сопровождался свистом, словно в этом израненном теле работал дырявый мех, и причиняли страдания. Больно было дышать, больно билось сердце, ныла грудь, раскалывалась голова, а по всему телу жгли язвы, превращая кожу и плоть в единый огненный ком.

Боль — это хорошо. Боль означала, что он еще жив. Ань Шаохуа просто терпел, иначе он не мог. Теперь он уже не был тем полным надежд блистательным юношей Чжоухуа, не был тем знаменитым лауреатом экзаменов, не был тем молодым заместителем министра Палаты наказаний. Теперь он был преступником Ань Шаохуа, человеком, покрытым зловонными язвами, не способным говорить, видеть, едва способным дышать, едва живым, но не способным даже умереть.

Дни, когда рот его не мог говорить, а глаза — видеть, длились уже давно, но разум становился все яснее. В некоторых вещах он теперь не хотел видеть правды, оставляя это как последнюю надежду для себя.

Война длилась слишком долго, и уезд У постепенно приходил в упадок. Затем последовало вторжение варваров, и почти за одну ночь дома в уезде У обесценились, поля остались необработанными, а все лавки закрылись.

С момента его ссылки прошло уже более десяти лет. Тридцатилетним он был отправлен сюда, и с нуля, благодаря тяжелому труду всей семьи, они построили свою жизнь. Семья, чьи руки раньше не касались черной работы, за десять с лишним лет превратилась в известную зажиточную семью уезда У. Десять лет упорного труда в одночасье превратились в кучу ненужной бумаги.

Денег и так не было, как Ань Шаохуа ослеп.

Даже будучи слепым, он мог бы выжить, если бы беречься. Но в последнее время он простудился, и снова началась лихорадка. Семья жила в бедности, единственный дом был отдан в качестве взятки, чтобы Нинъюй избежал призыва на войну. В городе не хватало лекарств, и Ань Шаохуа сам составлял рецепты. Но Сюаньнян, несмотря на все усилия, не смогла собрать нужные ингредиенты, и пришлось менять рецепты. В итоге болезнь только усугублялась изо дня в день.

Даже не видя, он понимал, что дела в семье идут все хуже. Зима приближалась, но вокруг города бродили беженцы, и, как говорили, дрова не могли попасть в город, не говоря уже о

древесном угле. Тогда он сказал Сюаньнян, что эта зима будет тяжелой, и если бы они смогли запасти уголь, то, возможно, пережили бы ее.

В начале зимы, когда погода становилась все холоднее с каждым днем, в доме не было ни риса, ни зерна, все, что можно было продать, было продано. Здоровье Ань Шаохуа ухудшалось с каждым днем, и он понимал, что его дни сочтены.

Возможно, Небо сжалилось над ним, потому что после сильного снегопада у Сюаньнян появились деньги. Она сказала, что встретила Гу Мо возле уездного управления. Ань Шаохуа не верил в это. Кем был Гу Мо? Великий генерал Божественной Мощи, лично назначенный императором. Как он мог оказаться в этой глуши? В уезде У не было военных действий.

Но он не стал разоблачать ложь Сюаньнян.

Как бы то ни было, деньги были, а значит, можно было выжить.

Даже если он умрет, Нинъюй должен выжить.

Люди всегда говорят, что мать становится сильнее ради ребенка, что она готова терпеть унижения ради него. Но отец — не исключение. У Ань Шаохуа было много женщин, но мало детей. Теперь рядом с ним остался только Нинъюй, и он хотел сделать все возможное, чтобы спасти этого незаконнорожденного сына.

Говоря о женщинах, Ань Шаохуа действительно был удачлив. В столице его дворец был самым оживленным среди братьев, с множеством жен и наложниц.

Стройные и полные, словно ивы и цветы.

Среди всех женщин во дворце Юэ'э была его любимицей. Двоюродные брат и сестра, выросшие вместе. Ань Шаохуа, известный под именем блистательный юноша Чжохуа, с почестями, подобающими жене, привел ее домой как свою вторую супругу. После свадьбы он баловал ее, и слуги в его покоях постепенно перестали произносить приставку «вторая», называя ее просто «госпожой Жуань».

Остальные женщины в основном были из простых семей, отдавших дочерей в надежде на лучшее будущее. Это было молчаливым соглашением. Оставшиеся же были из низших сословий, по сути, оставаясь слугами. Некоторые были подарены коллегами, другие выкуплены из жалости.

Ань Шаохуа признавал, что не был особенно добр к ним. Хотя он обеспечивал их всем необходимым, он редко навещал их. В результате у большинства из них не было детей, и они чувствовали себя одинокими.

Только он не думал, что когда дерево падает, обезьяны разбегаются. Однако, несмотря на ссылку за тысячи миль, семь или восемь женщин согласились последовать за ним.

В уезде У через несколько лет произошла амнистия.

Кто-то в столице постарался, и им удалось получить статус «торговцев». Хотя согласно иерархии «ученый — крестьянин — ремесленник — торговец» купцы были низшим сословием, это было лучше, чем быть лишенными всех прав. Год спустя Ань Шаохуа арендовал лавку и взял новую наложницу — Сюаньнян.

Сюаньнян была единственной дочерью старого мастера Ли, работавшего в лавке. Старый мастер Ли следовал заветам предков: мастерство передавалось только сыновьям, невесткам, но не зятям. Много лет назад он взял ученика, уличного мальчишку, который, как говорили, был очень смысленным. Тогда он даже оформил усыновление и устроил пир, воспитывая его как родного сына. Но этот неблагодарный, освоив ремесло, сбежал.

Старик в гневе передал все свои знания Сюаньнян, и она быстро всему научилась. Когда Ань Шаохуа выкупил лавку у прежнего хозяина, он получил вместе с товаром и договоры о личной зависимости. Старый мастер Ли, увидев нового хозяина, мужчину чуть старше тридцати лет, видного и представительного, задумался.

Сюаньнян выросла в уезде У. Хотя у нее не было таких пышных причесок и величественной осанки, как у Юэ'э, и она не казалась такой трогательной, как Ляньгуань, в ней была своя наивная прелесть, не тронутая мирскими заботами. В те времена Ань Шаохуа тоже увлекался ею какое-то время.

На следующий год Сюаньнян родила Нинъюя, а Юэ'э — Цзиньсюань.

Те годы были удачными для семьи Ань. Лавка приносила доход, нельзя было сказать, что они разбогатели, но на пропитание всей семьи хватало. Здоровье матери постепенно улучшалось, а второй брат после раздела имущества стал относиться к Ань Шаохуа с большим уважением.

Гу Мо работал инструктором в школе боевых искусств, получая полмесячной платы каждый месяц. Иногда он также работал охранником в охранном агентстве, отправляясь в опасные поездки с караваном за полмесячной платы, а в конце года получал еще одну. Кроме того, была годовая премия.

Цзинхэ, несмотря на юный возраст, благодаря грамоте устроился помощником бухгалтера в магазин тканей, а в тринадцать лет уже стал самостоятельным работником. Мать часто говорила, что когда лавка расширится, им даже не придется нанимать бухгалтера со стороны.

Семья росла, законный сын, несмотря на молодость, выдержал все взлеты и падения и мог спокойно трудиться. Ань Шаохуа был очень доволен. Семья Ань, хотя и пришла в упадок, с такими детьми рано или поздно поднимется. В тот Новый год мать была особенно счастлива.

Ань Шаохуа помнил, как в первый день Нового года второй брат привел младших братьев и сестер поклониться матери. Она плакала от радости и говорила много слов:

— Когда мы жили в усадьбе маркиза, я думала, что не обижала вас, братьев, но теперь вижу, что я сделала недостаточно. К счастью, вы все хорошие дети и не держите зла на эту старуху.

Это заставило всю семью обниматься и плакать в праздничный день.

Теперь, вспоминая это, он подумал: не предвидела ли мать что-то?

Порыв холодного ветра заставил Ань Шаохуа на ощупь плотнее укутаться в то, что служило ему одеждой. Внезапно ему показалось, что он увидел свет. Это так взволновало его, что он издал гортанный вопль и закашлялся.

Слышались суетливые звуки вокруг, кто-то выпрямил его тело и положил ровно. Звуки были то близкими, то далекими, нельзя было разобрать слов. Ощущения в теле тоже были не такими ясными, как раньше.

Он не знал, сколько прошло времени. Ань Шаохуа то приходил в себя, то терял сознание. Перед глазами то вспыхивал свет, то наступала тьма.

Ань Шаохуа думал, что умирает. В бреду он увидел человека, которого не должно было быть рядом. Гу Мо.

Ему казалось, что Гу Мо спас его, но он сам знал, что ослеп, и где ему было что-то видеть. Наверняка это просто сон.

Дверь тихо скрипнула, и внутрь ворвался холодный ветер. Послышались знакомые шаги, кто-то подошел ближе.

— Доктор, как его состояние?

Этот голос принадлежал Гу Мо! Даже спустя несколько лет разлуки Ань Шаохуа смог бы узнать его мгновенно.

<http://bllate.org/book/16674/1529196>